

О. К. ЕРМАКОВА

**ПРАКТИКИ НАЙМА ИНОЗЕМЦЕВ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ
ПРИ АЛЕКСЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ И ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ¹**

**THE PRACTICE OF HIRING FOREIGNERS
FOR THE RUSSIAN CIVIL AND MILITARY SERVICE
UNDER ALEXEI MIKHAILOVICH AND PETER THE GREAT**

This article examines the evolution of the practice of hiring foreign specialists for the Russian civil and military service from the second half of the 17th to the first quarter of the 18th century. The author examines continuity and innovations in the methods of recruitment and the documentation of the processes associated with this. The paper identifies the main groups of people engaged in hiring foreigners. This aspect is important because the personalities of mediators left an imprint on the practical and legal basis for recruitment. It is concluded that, from a practical point of view, recruiters (who were sent abroad to hire foreign experts) faced similar tasks both during the reign of Alexei Mikhailovich and later, in the era of Peter I (these included problems of material support, the transportation of craftsmen, attracting specialists by favorable proposals, agreeing on conditions of service, etc.). The author also notes that as early as the second half of the 17th century there was a practice of issuing written contracts to foreign specialists, but this was only episodic. During the era of Peter the Great, the contract became the key basis for the admission of foreigners to the Russian civil and military service, and such contracts were based on the same principles as in the previous period. In order to attract a large number of foreign specialists, Peter I and his agents had to take into account the requirements of foreigners and legally expand their rights and privileges. This undoubtedly led to an improvement in both the social and legal status of foreigners as well as in the system of relations between the Russian state and its non-Russian hired specialists.

Keywords: foreign specialists, contracts, Peter I, second half of the 17th century, practices of recruitment, Russian civil and military service

Olga K. Ermakova – PhD in History, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ermakovaok@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2095-1001>

1 *Citation:* O. K. ЕРМАКОВА, “Praktiki naima inozemtsev na russkuiu sluzhbu pri Aleksee Mikhailoviche i Petre Velikom” [The Practice of Hiring Foreigners For the Russian Civil and Military Service Under Alexei Mikhailovich and Peter the Great], *RussianStudiesHu* 5, no. 2 (2023): 105–117. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.16

Традиционно при изучении темы иностранцев в России в историографии присутствует условная хронологическая граница. Рассматриваются «иноземцы в Московском государстве в XVII в.» (или в XVI–XVII вв.) и «иноземцы при Петре I». Таким образом, оказываются акцентированы разные этапы политики в отношении иностранцев, их социального положения, юридического регулирования повседневной жизни и профессиональной деятельности². Без сомнения, петровские преобразования дали мощный стимул масштабным мерам по привлечению иностранных специалистов и формированию качественно нового социально-правового статуса иноземцев в России, упразднили ряд распространённых ранее практик (как в плане привлечения специалистов, так и с точки зрения отношения к ним в период службы). Между тем, наряду с новыми явлениями (включая методы вербовки, законодательные основы статуса иноземцев, управление социальной стратой иностранцев в эпоху Петра I) очень многое свидетельствовало о континуальности практик найма зарубежных специалистов, по крайней мере, со второй половины XVII в.

Процесс поиска и приема на службу зарубежных специалистов предполагал решение ряда практических задач, содержание которых принципиально не менялось как при Алексее Михайловиче, так и позднее – во время правления Петра I. Неизменным оставалось и то, что непосредственное влияние на характер и успех реализации мероприятий по вербовке оказывал человеческий фактор – ключевое значение имели личности людей, которые занимались наймом. Задаваясь вопросом о том, кем были эти люди – агенты царя, мы выходим на проблему реконструкции круга лиц, напрямую занятых вербовкой иноземцев. В данном контексте особенно продуктивным представляется использование понятия «контактные группы», которым С. М. Шамин и О. Янсон обозначили «различные социальные и профессиональные группы,

2 Например, проблемы правового статуса, юрисдикции и реального положения иноземцев в России на основе широкого круга источников рассмотрены С. П. Орленко: С. П. Орленко, *Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение)* (Москва: Древлехранилище, 2004). Вопросы, связанные с профессиональной принадлежностью, религиозными барьерами, перекрещиванием иноземцев в России XVI–XVII вв. исследовала Т. А. Опарина: Т. А. Опарина, *Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии* (Москва: Прогресс-Традиция, 2007). Немецкая слобода Москвы и её обитатели в эпоху Петра I стали предметом изучения В. А. Ковригиной: В. А. Ковригина, *Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв.* (Москва: Археографический центр, 1998).

принявшие на себя роль межъязыковых и межкультурных посредников в Московском государстве периода раннего Нового времени»³. Подобно тому, как С. М. Шамин и О. Янссон классифицировали контактные группы людей, так или иначе связанных с выполнением письменных или устных переводов, возможно выделить контактные группы, напрямую или косвенно вовлеченные в процесс привлечения иноземцев на русскую службу.

Выявление медиаторов межкультурного взаимодействия, контактных групп приближает к пониманию процедуры найма иностранцев, её эволюции. В первую очередь, посредниками выступали сами иноземцы – уже находившиеся на русской службе («старовыезжие») или вновь принимаемые. Как отметил С. П. Орленко во введении к монографии о правовом положении иностранцев в России XVII в., «завоевавшие доверие иноземцы в качестве поверенных и агентов привлекались русским правительством для выполнения ответственных поручений в странах Западной Европы»⁴. В числе подобного рода поручений автор называет и найм специалистов на русскую службу. Надо заметить, что такие миссии нередко возлагались на иноземцев высших военных чинов, которые при этом набирали иностранцев не только на военную, но и на гражданскую службу. Например, в начале 1670-х гг. для поиска мастеров и музыкантов в Швецию, Курляндию и Пруссию направили полковника Николая фон Стадена⁵. По предположению А. А. Рогожина, Н. фон Стаден, как и большая часть генералитета полков «нового строя», принадлежал к низшему или среднему европейскому дворянству (как правило, незнатному и небогатому), а в Московском государстве служил с начала 1650-х гг. В России ему удалось достичь высоких военных чинов – дослужиться до генерал-майора. Правда, чтобы остаться на службе московскому государю, Н. фон Стаден, как и его брат, полковник Г. фон Стаден, в конце 1670-х гг. принял православие⁶. Известным примером, относящимся к петровской эпохе, является масштабный найм иноземцев вице-адмиралом Корнелием Крюйсом в 1698 г.⁷ Он же

3 С. М. Шамин, О. Янссон, «“Контактные группы” Московского государства», в *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2* (Москва: Институт российской истории РАН, 2021), 223–224.

4 Орленко, *Выходцы из Западной Европы*, 4.

5 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1.

6 А. А. Рогожин, *Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII века*. Дисс. ... канд. ист. наук. (Орел, 2014), 67, 70, 167.

7 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 8, 9.

посредничал в ходе вербовки и лично нанимал офицеров, матросов, корабельных плотников и других мастеровых людей в Голландии в период 1701–1703 гг. и 1706 г.⁸ В 1718 г. разных мастеровых людей набирал на русскую службу полковник фон Люберас⁹. По какой причине русское правительство обращалось именно к военным иностранцам? Возможно, ввиду их большей мобильности. Ведь нередко военные наемники имели опыт службы в различных государствах. Кроме того, в ходе вербовки важную роль играли вопросы безопасности как самого царского агента, так и нанимаемых им специалистов. Власти зарубежных стран далеко не всегда охотно приветствовали отъезд своих подданных на заграничную службу, да и международная обстановка порой осложняла выполнение подобных миссий (рекрутерам случалось действовать в ситуации близости военных конфликтов).

Другая контактная группа – иностранные купцы, «торговые иностранцы». В силу характера деятельности, тесного переплетения торговых и личных связей, купцы традиционно выступали акторами культурного обмена и носителями других языков¹⁰. Закономерно, что связи и возможности иностранных торговцев еще с XVI в. использовались и в качестве канала для привлечения зарубежных специалистов в Московское государство¹¹. Во второй половине XVII в. «торговые люди» активно участвовали в обеспечении финансовой стороны вербовки и организации транспортировки мастеров, а в ряде случаев напрямую занимались наймом как посредники русского царя. Например, в июле 1656 г. купец Иоганн Вебстер по поручению государя заключил контракт о приеме на русскую службу генерала артиллерии де ла Рохта¹². В начале 1670-х гг. миссия упомянутого выше полковника Николая фон Стадена проходила в постоянном взаимодействии с иностранными торговыми

8 В. С. Ржеуцкий, Д. Ю. Гузевич, А. Мезен (ред.), *Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727* (Москва: Ломоносовъ, 2019), 33.

9 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1718 г. Д. 3. Л. 1–2об. Вероятно, речь идет о Иоганне Люберасе, старшем сыне барона Ананиаса Христиана Потта фон Любераса (А. Мустафин, «Роль барона А. Х. Любераса в коллегияльной реформе Петра I: новые документы», *Quaestio Rossica*, Т. 6, no. 1 (2018): 103).

10 См. рассуждения С. М. Шамина и О. Янссон по данному аспекту: Шамин, Янссон, «Контактные группы», 226.

11 См., например: В. Ржеуцкий, Д. Гузевич, «Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I», *Quaestio Rossica*, Т. 6, no. 1 (2018): 81.

12 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1656 г. Д. 7. Л. 1–3.

людьми. Так, купцу Эрману Бекеру поручалось выдать 300 рублей рудознатцу, служившему саксонскому курфюрсту, и выразившему желание отправиться в Московское государство, как только получит грамоту от курфюрста¹³. Торговый иноземец Данила Артман посредничал при передаче денег доктору и комедиантам, нанятым Н. фон Стаденом и следовавшим в Москву из Стокгольма и Риги¹⁴. Кроме того, полковник «приискал» в Стокгольме золотых и серебряных дел мастеров и испрашивал позволения государя пригласить их на службу. В случае положительного решения следовало «на снасти и на подъем» тем мастерам послать деньги «через торгового доброго иноземца»¹⁵.

Наконец, начиная с Великого посольства, ведущая роль в организации найма иностранных специалистов принадлежала российским дипломатическим представителям, послам и резидентам за рубежом. В эпоху Петра I значительно увеличивается приток иностранцев, вследствие чего возрастает число связанных с наймом документов (прежде всего, письменных договоров). В этих условиях отчетливо виден «почерк» разных людей, занятых вербовкой. Он проявлялся как в форме и содержании текстов контрактов (или договорных писем), так и в приоритетах (включая личные мотивы) при отборе специалистов. Наглядный пример – неприятие Франсуа Лефортом (нанимавшим иноземцев во время Великого посольства) католической веры. Будучи убежденным кальвинистом, Ф. Лефорт старался избегать найма католиков. В результате, даже многие из уже принятых на службу специалистов вскоре оказывались уволены¹⁶. Что же касается документирования найма иностранцев, то комплексы договорных писем, составленных от имени разных царских агентов, демонстрируют четкие различия как с точки зрения формуляра, так и в плане содержания. Например, после представленного в Посольский приказ текста договора, заключенного Жаном Лефортом с художником Луи Караваком в 1715 г., даже сделано примечание о том, что «во всех договорах господина Лефорта с мастеровыми людьми французами оглавление такое каково в сем договоре»¹⁷.

Особую категорию агентов и посредников Петра I составляли представители различных профессиональных групп, нанимавшие специалистов по своему профилю для нужд новых государственных уч-

13 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 44–45.

14 Там же. Л. 62–64.

15 Там же. Л. 84.

16 В. Ржеуцкий, Д. Гузевич, «Вербовка иностранных специалистов»: 84–85.

17 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 37.

реждений, возведения культурных объектов и т.п. Например, первым поручением Генриха Фика, принятого в 1715 г. на должность советника создаваемой Камер-коллегии, стала поездка в Швецию для того, чтобы раздобыть регламенты коллегий и набрать квалифицированных специалистов¹⁸. Иоганн Фридрих Блиер, сыгравший ключевую роль на начальном этапе интенсивного развития горного дела в России, а также внесший весомый вклад в создание Берг-коллегии, в начале 1700-х гг. лично занимался поиском горных мастеров за рубежом¹⁹. К данной категории контактных групп можно отнести и тех, кто не был специально направлен за границу для найма специалистов, но выполнял эту функцию в процессе собственного перехода на русскую службу. Речь идет о ведущих специалистах-иноземцах, которые перед выездом в Россию набирали для себя команду помощников. Среди таковых иностранные архитекторы (Ж. Б.-А. Леблон, Д. Трезини, Б. К. Растрелли), привозившие мастеров, необходимых для осуществления полного цикла работ²⁰. Можно предположить, что в таких случаях лучше контролировался уровень квалификации мастеров, поскольку иностранцы самостоятельно, с профессиональной точки зрения оценивали степень мастерства своих будущих помощников.

Для того, чтобы приблизиться к пониманию степени преемственности и/или обновления механизмов найма иностранцев, следует обратиться к деталям процедуры вербовки («приговаривания») иноземцев, организации их отправки к месту службы и документирования соответствующих процессов. Источники свидетельствуют, что с практической точки зрения, царские агенты, занимавшиеся наймом иноземцев, сталкивались со схожими задачами и трудностями как во второй половине XVII столетия, так и в первой четверти XVIII в. Что же касается делопроизводственных нюансов, то различия оказывались более заметны. Обратимся, в первую очередь, к основным практическим вопросам, связанным с поиском и приемом иноземцев на службу. Очевидно, что одним из ключевых моментов являлось материальное обеспечение всего процесса вербовки. Оно включало в себя несколько составляющих. Во-первых, речь идет о снабжении необходимыми денежными средствами царского агента, отправляемого за рубеж. Имеется в виду жалование,

18 Д. Поленов, «О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом», в *Русский архив*, по. 11 (1869): 1736.

19 И. Ф. Герман, *Историческое начертание горного производства в Российской империи* (Екатеринбург: Горная типография, 1810), VIII, 10–11.

20 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 12. Л. 1–55; 1715 г. Д. 1. Л. 1–37; 1716 г. Д. 1. Л. 1–31.

компенсация путевых издержек, «корм» в пути. Во-вторых, следовало обеспечить денежное довольствие вызываемым специалистам. Зачастую вербовщик договаривался с мастерами о выдаче им определенной суммы сразу, «на подъем», и отвечал за то, как они прокормятся в пути. Иногда деньги на такого рода нужды выдавались изначально царскому посланнику, а в иных случаях следовало прибегнуть к помощи и посредничеству иностранных торговых людей. Последние оказывались особенно полезны, когда агент русского государя покидал место вербовки, а нанятые специалисты оставались за границей на время ожидания разрешений и соответствующих грамот от зарубежных монархов. Чаще всего иноземцы находились некоторое время в приграничных городах, а после получения проезжих грамот отправлялись далее к месту службы. Несмотря на всю важность финансовых вопросов, они нередко оставались нерешенными, требовали дополнительного рассмотрения. Вполне типична ситуация, изложенная в челобитной Николая фон Стадена, согласно которой полковник, отправленный «для приговаривания мастеровых людей» в 1672 г., не получил положенного ему жалования, а между тем, ему требовалось не только для себя «пропитание», но и мастерам «на месте наперед дать корму на три месяца»²¹.

Наряду с финансовой составляющей важно обратить внимание на юридическую сторону привлечения иностранных специалистов. В последней четверти XVII в. иноземцы все более активно акцентируют внимание на обеспечении гарантий своих прав и конкретизации условий будущей службы. В конечном счете, это приведет к реализации массовой практики заключения письменных договоров при Петре I. Во второй половине XVII в. контракты составлялись далеко не со всеми специалистами. Тем не менее, можно наблюдать, как происходило формирование основ договорных отношений между российским государством и иноземцами. Иностранцы формулировали требования, которые в дальнейшем обеспечат переход к принципиально новому статусу зарубежных специалистов (во всяком случае, юридически) и откроют возможности для масштабного найма необходимых иноземцев в рамках политики Петра I.

Одним из ключевых условий иноземцев являлся запрос на гарантии права обратного выезда, возможности вернуться в отечество после службы в России. Это предвещало переход от прежних практик удержания иностранцев в Московском государстве к свободе их передви-

21 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 9–10.

жений после завершения контракта. Причем, гарантии испрашивались иноземцами на уровне государственных властей. Так, приглашенные Н. фон Стаденом из Курляндии трубачи были наслышаны, что некоего черепичного мастера не отпускают из Москвы, а один свирельщик якобы писал жене, что ему «на Москве не добро», грозят кнутом бить и пугают Сибирью. В связи с этим, сообщал Н. фон Стаден, князь курляндский просил, чтобы того черепичного мастера отпустили, дабы «иним охотнее было к Москве ехать»²². Во время правления Петра I право отъезда в отечество закреплялось как законодательно, так и в договорах, хотя на практике данная норма далеко не всегда соблюдалась, поскольку иностранцы по-прежнему находились в зависимости от воли государя (а не только от условий контракта). Тем не менее, юридические основы были заложены, и иноземцы увереннее и охотнее выезжали на службу царю. В конце XVII в. иноземцы уже напрямую отказывались ехать без письменно зафиксированных гарантий своих прав, включая требования о заключении контрактов, праве возвращения на родину, выплате денежного (а не натурального) жалования, авансов на проезд²³.

В допетровскую эпоху заключение письменных договоров носило эпизодический характер. Вместе с тем, имеющиеся примеры демонстрируют преимущество практик выезда по контрактам. В ходе миссии Н. фон Стадена один из специалистов удостоился оформления договорного письма. Речь идет о докторе и рудознатном мастере Яне Цыпфеле. Вербовщик, докладывая о результатах своей поездки в Посольском приказе, охарактеризовал названного специалиста как «гораздо ученого и почтенного человека»²⁴. При этом, нанятые в то же время музыканты и комедианты ехали в Москву, полагаясь исключительно на устные договоренности с полковником. Впрочем, трубачи и «потешники»²⁵ получали больше свободы действий, поскольку имели право выступать не только при дворе государя, но и играть для других людей за плату²⁶. То есть, контракты составлялись выборочно, вероятно – по требованию конкретных и особенно ценных для нанимателя иноземцев. В договорном письме упомянутого доктора и рудознатца Я. Цыпфе-

22 Там же. Л. 36–37.

23 Ржеуцкий, Гузевич, Мезен, *Иностранные специалисты*, 41.

24 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 59.

25 О традиции приглашать иностранных «потешников» см.: С. Шамин, К. Дженсен, «Иноземные потешники при дворе первых московских царей», *Российская история*, no. 1 (2018): 32–46.

26 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 35, 39.

ля обращает на себя внимание то, что ряд ключевых условий службы четко не определены. К таковым относится срок договора: объявляется, что иноземец будет пребывать в службе у царского величества столько времени, сколько сам захочет. Не уточнялся и размер жалования. Указывалось лишь, что за каждую его специальность (доктора и рудознатца) иностранец будет получать ежемесячно достойный корм, равный тому, что дается другим медикам и рудокопным мастерам. Зато оговаривались конкретные суммы денег на подъем и на помощь оставшимся в Риге жене и детям иноземца. Отдельный пункт договорного письма гласил, что если Я. Цыпфеля не устроит предложенное жалование, то он вправе без всяких убытков для себя возвратиться назад за счет казны. Таким образом, договорное письмо выступало документом, устанавливавшим предварительные условия службы. Тем более, что для принятия окончательного решения следовало получить одобрение от государя на заявленные договорные пункты. Иноземцу обещали свободу вероисповедания и «ото всех людей» почтение. В договоре прописывалось, что к саксонскому курфюрсту будет направлена грамота от царя с просьбой отпустить на временную службу доктора, а с ним рудокопных мастеров и плавильщиков. Гарантировалась помощь иноземцу в пути и сопровождение от Риги до Москвы. Данная миссия возлагалась на дядю полковника Н. фон Стадена, Якоба фон Стадена. В случае гибели иностранца во время службы его жене и детям следовало оказать поддержку и содействие при отъезде из России. При составлении договорного письма присутствовали двое свидетелей²⁷. Комедианты²⁸ и трубачи, которых «приискал» полковник Николай фон Стаден, также высказали несколько требований относительно службы в России, хотя свидетельств о заключении с ними письменных договоров нет. Условия касались размера оплаты за выступления при дворе и права играть перед любыми другими людьми за деньги²⁹. Подтверждением принятия их запросов являлось одобрение государя и соответствующий указ.

27 Там же. Л. 50–55.

28 В тексте источника используются написания «окомедианты» или «экомедианты». По-видимому, подьячие таким образом прочитали иностранное слово «комедианты». М. Фасмер указывает на то, что слово вошло в употребление в Петровскую эпоху. (М. ФАСМЕР, *Этимологический словарь русского языка*, Т. II. (Москва: Прогресс, 1986), 301). Однако, мы видим, что оно используется в русском языке уже в 1670-е гг. Возможно, слово появилось раньше – в середине XVII в. и переживало фонетические трансформации, пока окончательно не прижилось в языке-реципиенте.

29 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 38–39.

Отсутствие конкретики в ряде условий контракта не являлось отличительной чертой всех договоров. Во второй половине XVII в. уже составлялись весьма детальные тексты соглашений. Например, договоры с голландскими корабельными мастерами, заключенные в 1667 г. через Ивана ван Сведена, содержали точные суммы жалования мастерам и определяли срок службы в четыре года с возможностью продления контрактов. В них также прописывалось право иностранцев привезти с собой семейство или обеспечить регулярные выплаты родственникам, оставшимся за рубежом. Упоминалось и об обязательстве российской стороны оказывать медицинскую помощь иноземцам, а также поддержку семейству в случае гибели иноземца. Кроме того, детализированы денежные выплаты, которые полагались мастерам при найме уже в Амстердаме³⁰.

Набор условий договоров Петровской эпохи строился на той же основе, что и во второй половине XVII в. Однако, больше внимания стало уделяться гарантиям возвращения иностранцев на родину после завершения контрактов³¹. В числе обязательств иноземцев появилось требование о подготовке русских учеников. Например, в одном из первых пунктов договора с архитектором Ж.-Б. А. Леблонем значилось, что иностранец обязуется «учить российской народ в своем художестве». При этом, содержание и пропитание учеников оставалось обязанностью казны. Аналогичные условия вошли в тексты контрактов всех мастеров, приехавших вместе с Ж.-Б. А. Леблонем³². Условия материального обеспечения иностранных специалистов в первой четверти XVIII в. дополнились гарантиями предоставления казенных квартир или мест под строительство домов. Кроме того, в договорах теперь фиксировалась такая привилегия иностранцев, как освобождение от налогов, пошлин и постоев, а также гарантировалась свобода вероисповедания³³.

Особый интерес представляют коллективные «договорные статьи». Таковые представлены в рамках масштабного набора военных и гражданских специалистов, осуществленного К. Крюсом в 1698 г. «Статьи» для всех нанимаемых морских офицеров и матросов, а также корабельных плотников сочетают в себе элементы присяги и договора. Большинство пунктов содержат предостережения о наказаниях, которые

30 *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией*, Т. 5 (Санкт-Петербург, 1853), 211–216.

31 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 51. Л. 8.

32 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1–5.

33 См., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 33–38.

воспоследуют в случае ненадлежащей службы и различных провинностей³⁴. Затронуты вопросы жалования и пропитания на кораблях. Гарантировано оказание медицинской помощи в случае ранения³⁵. Отдельно от данных «статей» и «статей» для принимаемых морских капитанов и командоров (где речь в большей степени шла о вопросах жалования, порядке службы)³⁶, в 1698 г. в Амстердаме К. Крюйс представил «договорные статьи» для мастеров «рукодельного дела». Прежде всего, с российской стороны юридически закреплялось типичное требование иноземцев о выдаче авансов перед отъездом из-за границы: К. Крюйс обещал выплатить мастерам двухмесячное жалование в Амстердаме в качестве задатка. Гарантировалась выплата кормовых денег после отъезда, а также бесплатный проезд к месту службы, предоставление мест для постоя, дров, пропитания. Прописывался порядок выдачи жалования: деньги за четыре месяца отдавались родственникам (или кому иноземцы укажут), за остальные восемь – самим мастерам. Если же во время службы иностранцы заболеют или будут ранены, лечение получают за счет казны и без всякого умаления жалования. По окончании срока службы («урочных лет») мастеров следовало отправить «на проторях его царского величества» до приграничных российских городов, а далее они могли ехать, куда захотят, но уже за свой счет³⁷.

Говоря о методах и целях вербовки, следует заметить, что при Петре I набор специалистов стал более целенаправленным и разнообразным, что объяснялось масштабом, темпами и всеохватностью преобразований. При этом, характер найма представляется достаточно хаотичным с точки зрения оценки квалификации специалистов. Речь не идет о тех иностранцах, которых приглашал царь лично, ознакомившись с результатами их работ во время заграничных путешествий. Другие же по прибытии в Россию нередко оказывались малосведущими в тех профессиях и искусствах, для которых принимались на службу, что приводило к немедленному увольнению. Впоследствии данная проблема решалась путем проведения специальных экзаменов. Вместе с тем, ответ на вопрос о том, в какой степени практики найма иностранных специалистов в эпоху Петра I носили инновационный характер, неоднозначен. Очевидно, что во многом наблюдалась преемственность –

34 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 245–248.

35 Там же. Л. 249, 256об.

36 Там же. Л. 263–265.

37 Там же. Л. 266–269.

как в самой реализации вербовки, так и в её правовых основах. Хотя именно в период правления Петра I письменный контракт стал ключевым основанием приема иноземцев на службу, уже во второй половине XVII в. между российским государством и иностранцами все активнее практиковалось заключение договоров. Причем, условия соглашений можно считать весьма полными и базово совпадавшими по структуре и содержанию с контрактами конца XVII – первой четверти XVIII в. В то же время, желая набрать внушительное число необходимых специалистов, Петру I и его агентам пришлось учесть требования иноземцев и юридически расширить их права и привилегии во время службы в России, что явилось несомненным обновлением как социально-правового статуса иностранцев, так и системы отношений между государством и наемными специалистами – зарубежными подданными.

References

Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei, T. 5 [Additions to historical acts collected and published by the archaeological commission, Vol. 5] (Sankt-Peterburg, 1853), 211–216.

M. FASMER, *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language], T. II. (Moskva: Progress, 1986), 301.

I. F. GERMAN, *Istoricheskoe nachertanie gornogo proizvodstva v Rossiiskoi imperii* [A Historical Outline of Mining Production in the Russian Empire] (Ekaterinburg: Gornaia tipografiia, 1810), VIII, 10–11.

V. A. KOVRIGINA, *Nemetskaia sloboda Moskvyy i ee zhiteli v kontse XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [The German Sloboda of Moscow and its Residents at the End of the 17th – First Quarter of the 18th Century] (Moskva: Arkheograficheskii tsentr, 1998).

A. MUSTAFIN, «Rol' barona A. Kh. Liuberasa v kollegial'noi reforme Petra I: novye dokumenty» [New Information about Baron A. Ch. Luberas and his Role in the Collegiate Reform of Peter I], *Quaestio Rossica*, T. 6, no. 1 (2018): 99–113. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.1.284>

T. A. OPARINA, *Inozemtzy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th – 17th centuries: Essays on Historical Biography and Genealogy] (Moskva: Progress-Traditsiia, 2007).

S. P. ORLENKO, *Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII veka (pravovoi status i real'noe polozhenie)* [Immigrants from Western Europe in Russia in the 17th Century (Their Legal Status and Actual Situation)] (Moskva: Drevlekhranilishche, 2004), 4.

D. POLENOV, «O prisiage inozemtsev, priniatykh v russkuiu sluzhbu pri Petre Velikom» [On the Oath of Foreigners Accepted into the Russian Service Under Peter the Great], *v Russkii arkhiv*, no. 11 (1869): 1736.

V. RZHEUTSKII, D. GUZEVICH, «Verbovka inostrannykh spetsialistov – vykhodtsev iz Frantsii i frankoiazychnoi Shveitsarii v epokhu Petra I» [Recruitment of Foreign Specialists from

France and French-speaking Switzerland During the Reign of Peter I], *Quaestio Rossica*, T. 6, no. 1 (2018): 79–98. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.1.283>

V. S. RZHEUTSKII, D. I. GUZEVICH, A. MEZEN (red.), *Inostrannye spetsialisty v Rossii v epokhu Petra Velikogo: Biograficheskii slovar' vykhodtsev iz Frantsii, Vallonii, frankoiazыchnykh Shveysarii i Savoii: 1682–1727* [Foreign Specialists in Russia in the Era of Peter the Great: A Biographical Dictionary of Natives of France, Wallonia, Francophone Switzerland and Savoy, 1682–1727] (Moskva: Lomonosov", 2019), 33, 41.

A. A. ROGOZHIN, *Generalitet polkov «novogo stroia» v Rossii vtoroi poloviny XVII veka*. [The Generals of the "New System" Regiments in Russia in the Second Half of the 17th Century] Diss. ... kand. ist. nauk. (Orel, 2014), 67, 70, 167.

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]

– F. 150. Op. 1. 1656 g. D. 7. L. 1–3.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 9–10.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 35–39.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 44–45.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 50–55.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 59.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 62–64.

– F. 150. Op. 1. 1672 g. D. 1. L. 84.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 8.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 245–248.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 249, 256ob.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 263–265.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 9. L. 266–269.

– F. 150. Op. 1. 1698 g. D. 51. L. 8.

– F. 150. Op. 1. 1703 g. D. 12. L. 1–55.

– F. 150. Op. 1. 1715 g. D. 1. L. 1–37.

– F. 150. Op. 1. 1715 g. D. 1. L. 33–38.

– F. 150. Op. 1. 1716 g. D. 1. L. 1–31.

– F. 150. Op. 1. 1716 g. D. 3. L. 1–5.

– F. 150. Op. 1. 1718 g. D. 3. L. 1–2ob.

S. SHAMIN, K. DZHENSEN, «Inozemnye poteshniki pri dvore pervykh moskovskikh tsarei» [Foreign Entertainers at the Court of the First Moscow Tsars], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2018): 32–46.

S. M. SHAMIN, O. IANSSON, «“Kontaktnye grupy” Moskovskogo gosudarstva» [“Contact Groups” of the Moscow State], v *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii: materialy mezhdunar. nauch. konf. Vyp. 2*. (Moskva: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2021), 223–229.